

*Габер Е.В.**

ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА КАВКАЗЕ И В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Распад Советского Союза и, как следствие, возникновение геополитического вакуума на широких просторах Евразии в начале 1990-х годов привели к образованию совершенно новой региональной системы, которая заключала в себе множество новых возможностей и еще больше новых угроз как для стран региона, так и для глобальной системы безопасности. Эта ситуация требовала от Турции быстрой выработки эффективной региональной политики, которая позволила бы максимально воспользоваться отсутствием или слабостью других великих держав в регионе и, в то же время, не допустить дальнейшей дезинтеграции и возникновения вооруженных конфликтов на Кавказе и в Центральной Азии.

Одним из основных вопросов, всерьёз волновавших Анкару, был вопрос её взаимоотношений с Вашингтоном. Если в течение «холодной» войны Турция, будучи южным флангом НАТО, неизменно оставалась главным стратегическим партнером Соединенных Штатов в регионе Кавказа и Центральной Азии, то с распадом Советского Союза, который повлёк за собой кардинальный пересмотр роли и места Североатлантического альянса в мире, Турция сталкивалась с угрозой потерять в глазах западного партнёра свой исключительный статус и первоочередное стратегическое значение. В этой ситуации развитие тесных связей с новыми независимыми республиками и обеспечение их сотрудничества с евроатлантическими институтами при посредничестве Анкары был едва ли не единственной возможностью сохранить свою привлекательность для Запада и получить весомый аргумент в диалоге с Евросоюзом и США. К тому же, способствуя укреплению суверенитета и выбору прозападной ориентации постсоветскими странами, Турция автоматически ограничивала влияние Москвы, которая к тому моменту единолично господствовала в регионе уже много лет. В этом желание Анкары полностью совпадало со стратегическими приоритетами Вашингтона, также заинтересованного в сдерживании распространения российского влияния в условиях новой мировой системы.

Следует оговориться, что в самом начале 1990-х годов Турция не получила достаточного внимания Запада, в частности Соединённых Штатов, которые в то время были полностью заняты выстраиванием отношений с Российской Федерацией уже на основе новых принципов – взаимовыгодного партнёрства и сотрудничества – что стало возможным после окончания «холодной» войны. Однако ситуация кардинально изменилась уже в 1993 г, с провозглашением Россией политики «ближнего зарубежья», которая рассматривалась в США как «неоимпериалистическая». Турция, которая в то время была ещё слишком слаба, чтобы самостоятельно противостоять распространению российского влияния, нуждалась в активном участии Соединенных Штатов в региональной политике. В Вашингтоне же, в свою очередь, была выработана принципиальная позиция, что одним из

* аспирантка кафедры международных отношений Одесского национального университета им. И.И.Мечникова

лучших способов обеспечения безопасности и реализации своих экономических интересов в регионе является усиление партнёрских отношений с Анкарой и содействие распространению турецко-американского влияния на Кавказе и в Центральной Азии в противовес России.

В начале 1990-х годов региональная политика Турции базировалась на предположении, что если новые независимые республики Кавказа и Центральной Азии смогут найти силы чтобы эффективно противостоять внешним вмешательствам и политическому давлению более влиятельных региональных или глобальных акторов, то их исторические, культурные и экономические связи с Турцией, так же как и насущная необходимость поиска стратегических партнеров в рамках новой системы безопасности, постепенно подтолкнут их к тесному союзу с Турцией.

Лидеры страны хорошо понимали, насколько трудно Турции будет развивать выгодные двусторонние отношения с отдельными государствами, если она не обеспечит себе особый статус в регионе в целом. Поэтому неудивительно, что именно в этот период широкое распространение приобретают идеи пантюркизма. Уже Тургут Озал – президент Турции с 1989 по 1993 гг. – открыто заявлял о своих мечтах расширить сферу влияния Турции на значительные территории «от Адриатики до Великой Китайской стены».

На практике идеи объединения всех тюркских народов в рамках единого государственного образования никогда не выходили за пределы риторики отдельных маргинальных политиков (таких, как Алпарслан Тюркеш) и наиболее ярко проявились в ходе «тюркских саммитов» первой половины 1990-х гг. Всячески подчёркивалась роль общей истории и параллельных культурных характеристик Турции с тюркскими республиками, открывались школы с целью воспитания молодежи в про-турецком и про-исламском духе, в частности последователями Фетхуллага Гюлена – известного проповедника исламистского движения в Турции и основателя одной из наиболее многочисленных и разветвленных сетей учебных заведений разного уровня аккредитации (с 1991 по 1999 гг. в регионе Кавказа и Центральной Азии были открыты 73 школы).

Сама фигура Гюлена до сих пор вызывает противоречивые оценки как внутри страны, так и за её пределами. Осенью 2000 г. турецкая служба госбезопасности инициировала судебное расследование деятельности общества Ф. Гюлена, где в качестве обвинения ему предъявлялись попытки изменить конституционный строй Турецкой Республики и отказаться от светского режима правления в пользу шариата. Вместе с тем, Ф. Гюлен достаточно популярен на Западе, особенно в Соединённых Штатах, где он известен как интеллектуал, учёный и педагог. В 1998 г. Гюлен отправился в США, по официальной версии, для получения медицинской помощи в рамках курса лечения диабета. Тем не менее, его отсутствие также позволило ему избежать в 2000 г. задержания по обвинению в содействии перевороту в Турции, к которому он якобы призывал в серии тайно записанных проповедей. С момента своего добровольного изгнания, Гюлен проживает в большом имении в восточной Пенсильвании. Именно с территории США он осуществляет координацию деятельности всей сети учебных заведений и бизнес-корпораций, входящих в состав его транснациональной империи. Всё это, а также тот факт, что в ходе судебного рассмотрения дела о предоставлении Ф.Гюлену права на постоянное проживание в США в его поддержку выступили достаточно высокопоставленные лица (два бывших сотрудника ЦРУ, Джордж Фидас и Грэм Фуллер, и бывший посол США в Турции Мортон Абрамовиц) позволило говорить о том, что у Гюлена в США есть много влиятельных сторонников.

Хотя официальный Вашингтон ни разу не выступил с открытой поддержкой этого религиозного лидера, многие турецкие эксперты, особенно лояльные к ныне оппозиционной

Народно-Республиканской партии и светской/военной элите, утверждают, что США были заинтересованы в развитии умеренного исламского движения Гюлена, которое представляло «третью силу» в Турции и мощное политическое движение в регионе. Некоторые аналитики считают, что именно Ф.Гюлен и его сторонники в правительстве США помогли получить приглашение в Белый дом для Реджепа Тайипа Эрдогана в декабре 2002 г., хотя на тот момент он всё ещё не был назначен премьер-министром¹. То, что власти США и, в частности, Центральное разведывательное управление, поддерживают движение Гюлена, является общепринятой точкой зрения среди светской элиты Турции, хотя никаких твёрдых доказательств в поддержку такого утверждения нет.

В отличие от довольно агрессивной культурной экспансии, которую Анкара проводила в 1990-е годы, в 2000-е гг. в основе региональной политики Турции лежит экономический прагматизм и желание максимизировать свое экономическое присутствие в регионе, в первую очередь, в транспортной и энергетической сфере. Становление Кавказского региона как потенциально одного из крупнейших поставщиков энергоресурсов в мире одновременно с ростом спроса на природный газ внутри страны значительно усиливали стремление Турции играть всё большую роль в регионе. Во-первых, Анкара рассматривала вопросы добычи и поставок каспийской нефти и газа как неотъемлемую часть региональной конкуренции с Россией и Ираном в борьбе за политическое и экономическое влияние на Кавказе. Во-вторых, существовало твердое убеждение, что если Турции действительно удастся стать центральным звеном в энергетическом коридоре Восток-Запад, предложенном для экспорта каспийского газа и нефти из центральноазиатских стран на западные рынки, то ее стратегическое значение для ЕС и США резко возрастет.

Турция активно участвовала в разработке проектов трубопроводов, которые должны были служить для транспортировки энергоносителей сначала с Каспия через территорию Азербайджана и Грузии в Турцию, а далее – в западноевропейские страны. В 2006 г. был введён в эксплуатацию нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД), в 2008 г. – газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум. Это стало первыми шагами на пути превращения Турции в «энергетический узел», через который должны были происходить все основные поставки центральноазиатских энергоресурсов в ЕС. Нефтепровод БТД изначально получил полную поддержку Соединенных Штатов, поскольку, во-первых, укреплял позиции Турции и обеспечивал альтернативные транспортные сети в обход России и Ирана, что уменьшало энергетическую зависимость Европы от этих стран.

На сегодняшний день наиболее проблемными остаются вопросы военно-политического сотрудничества Турции и США в регионе «Большого Кавказа» и бассейне Чёрного моря. Турция старается, с одной стороны, выступать проводником идей НАТО и США в регионе, однако, с другой стороны, предупреждать непосредственное вмешательство внешних сил, что могло бы привести к дальнейшей дестабилизации ситуации. (Наиболее яркие примеры – совместная блокировка Россией и Турцией американской инициативы расширить сферу деятельности натовской операции «Активные усилия» на Черноморский бассейн и отказ Турции пропускать в акваторию Черного моря американские корабли, которые везли гуманитарную помощь в Грузию во время российско-грузинской войны в августе 2008 г.) Хотя Турция и остается членом НАТО, Москва и Анкара разделяют взгляды на необходимость соблюдения положений Конвенции Монрё 1936 г. и режима прохода

¹ Р.Т.Эрдоган посетил Белый дом 10 декабря 2002 г., в качестве лидера победившей на парламентских выборах в ноябре 2002 г. Партии Справедливости и Развития. Тем не менее, вплоть до марта 2003 г. он не имел права быть избранным депутатом парламента, а следовательно, и премьер-министром страны из-за запрета на политическую деятельность.

через Черноморские проливы, мотивируя это желанием избежать превращения Черного моря в «частные владения НАТО».

Хотя и Россия, и Турция готовы объединить свои усилия в поисках мира и стабильности в регионе Черного моря и на Кавказе, они, уже каждая самостоятельно, продолжают поиски путей установления региональной гегемонии. Поскольку единолично сделать это Турции не хватит ни материальных ресурсов, ни политического влияния, поддержка Соединенных Штатов сохраняет для нее свое значение и в вопросах поддержания отношений с тюркскими республиками Кавказа и Центральной Азии, и в попытках разрешения замороженных конфликтов в регионе, и в контексте реализации новых энергетических и транспортных проектов.

Выводы

Стратегический выбор, который рано или поздно предстанет перед Анкарой, всё же должен быть сделан в пользу трансатлантических институтов и продолжения военно-политического сотрудничества с США, поскольку без их поддержки становление Турции в качестве регионального лидера будет слишком сложным, да и вообще маловероятным. К тому же, оставшись в регионе один на один со своим извечным соперником Россией, Турции будет трудно противостоять её всевозрастающей силе и политическому влиянию в будущем. Поэтому успешно развивая сегодня партнерские отношения с Москвой в экономической, торговой и туристической сферах, не следует отказываться от долгосрочного стратегического альянса с Вашингтоном.

Турция, при желании иметь существенное влияние на региональные процессы, вынуждена поддерживать тесное сотрудничество с США. Несмотря на значительный экономический рост и внешнеполитическую активность, которую Анкара демонстрирует в последнее время, собственных ресурсов для утверждения своих позиций в регионе Турции может оказаться недостаточно.

Соединенные Штаты, в свою очередь, слишком далеки (и географически, и ментально) от стран Кавказа и Центральной Азии для того, чтобы активно и непосредственно вмешиваться в решение региональных вопросов. Поэтому именно Анкара остаётся оптимальным выбором для поддержания баланса сил в регионе и противостояния возрастающей силе России и Ирана.

Следовательно, турецко-американское партнёрство, безусловно, и в XXI веке остаётся центральным звеном в создании региональной системы безопасности и разработке альтернативных энергетических проектов в регионе.